

Когда все они вышли, Лан Юй начал медлить с раздеванием. Когда Лу Жанькун наклонился, чтобы проверить шкафчик, он быстро разделся догола, подхватил тазик и молниеносно побежал во внутреннюю комнату.

Выбрав случайный отсек, он быстро закрыл дверь, включил выключатель, и из него хлынула горячая вода. Он стоял с поднятой головой и чувствовал, как каждая пора в его теле раскрывается и, казалось, снова оживает. Кто-то еще зашел в соседнюю кабинку, и раздался шум воды.

Ну как? Комфортно, да... - баня была пуста, и голос Лу Жанькуна звучал эхом.

Комфортно..., - удовлетворенно ответил Лан Юй.

Не сможешь ли ты мне потом потереть спину? Я сделаю то же самое для тебя, когда закончу, - сказал Лу Жанькун.

Нет! - возразил Лан Юй. - Я ненавижу растирание спины.

Лу Жанькун рассмеялся и начал намыливаться. Мыло было пропитано водой, поэтому оно стало скользким и упало на пол, не заметив его. Он наклонился, чтобы поднять мыло на полу, его глаза бессознательно метнулись в сторону, и его действия прекратились.

Внизу перегородки было пусто, его глаза посмотрели в соседнюю комнату и увидели две крепкие и стройные ноги, гладких с идеальными линиями. Он часто купался вместе с солдатами, и хотя он никогда не замечал ног других, его впечатление было таким, что они очень толстые с длинными волосами на ногах.

Он никогда не видел таких икр, таких белых и гладких, покрытых капельками воды, как фарфор, смоченный водой.

Лу Жанькун смотрел несколько секунд, затем взял в руки мыло и выпрямился.

Я же говорил тебе, что это общественная ванная, так что ты не можешь заниматься другими делами, - крикнул Лан Юй, смывая с себя воду. Он не хотел принимать душ, пока альфа дробит рядом с ним.

Голос Лу Жанькуна был немного рассеянным: - Какие вещи я не могу делать?

Ты многое можешь сделать, так что в любом случае держи все под контролем, - беспрекословно сказал Лан Юй.

Лу Жанькун больше ничего не сказал, и они вдвоем спокойно помылись.

Лан Юй взял кусок мыла и понюхал его. Запах был резким и плохо пахнущим, но в тюрьме он не мог быть слишком придирчивым и должен был им пользоваться. Он немного порылся в тазике и не нашел шампуня, поэтому ему ничего не оставалось, как постучать в перегородку: - Ли Баоцзы, я забыл принести шампунь, дай мне свой.

Лу Жанькун вытер капли воды на лице и увидел руку, протянутую из-под перегородки. Длинные и тонкие пальцы были раздвинуты, за ними следовала маленькая белая рука. Он несколько секунд молча смотрел на руку и положил на нее свой кусок мыла.

Лан Юй взял его обратно, посмотрел на него и протянул: - Я не хочу мыло, я хочу шампунь.

Лу Жанькун наклонился, чтобы взять мыло, и сказал: - Шампуня нет, те, кто в тюрьме, принимают душ и моют волосы этим.

Это повредит волосы, ах, мытье с этим не будет комфортным, оно сделает их жирными на ощупь, - пробормотал Лан Юй, нанося мыло на волосы. - И это мыло не очень хорошо для кожи, тело будет становиться все более сухим.

Лу Жанькун рассеянно смывал воду, перед его глазами стояли две белые ноги и руки. Такая гладкая и безупречная кожа, если бы она стала сухой и шершавой, это было бы очень жаль.

Завтра я найду способ достать тебе шампунь и средство для мытья тела, - подумав об этом, он проболтался.

Он был немного раздражен, когда сказал это, и пытался исправить ситуацию, когда услышал, как Лан Юй радостно сказал: - Ты можешь достать шампунь и средство для мытья тела? Это было бы здорово.

Лу Жанькун проглотил остаток своих слов.

Вскоре после этого из внешней комнаты донесся голос охранника: - Внутри, поторопитесь, воду отключат через пять минут.

Понял... - крикнул в ответ Лу Жанькун.

Когда охранники вышли, Лан Юй сказал: - Я оденусь первым и позову тебя, когда закончу, а ты можешь выйти после.

Он ожидал, что Лу Жанькун будет возражать и немного насмехаться, но тот только сказал - Хм, - и продолжил смывать воду в кабинке.

Лан Юй открыл дверь кабинки, настороженно огляделся, взял тазик и быстро побежал во внешнюю раздевалку.

Только когда он надел серую хлопчатобумажную тюремную одежду и высушил волосы, шум воды внутри на время прекратился, и Лу Жанькун медленно вышел.

Дойдя до угла, он спросил: - Ты одет?

Я закончил... - ответил Лан Юй, делая вид, что вытирает волосы, отвернувшись.

Лу Жанькун тоже чувствовал себя немного странно.

Будь то случайный душ с солдатами сразу после тренировки или задание, где все раздевались догола и прыгали в пруд, он никогда не чувствовал себя странно.

Все они были альфами и имели одинаковое снаряжение, у некоторых мышцы были особенно крепкими, и они выглядели немного длиннее. Даже если дотронуться рукой, то только посмеяться, обругать и пнуть другого.

Никто бы не корчился, как К.

Да, корчиться.

Он не хотел мыться с людьми, не хотел, чтобы его видели, ему даже было неудобно идти за ними.

Но когда он думал об этих белых ножках, Лу Жанькун никак не мог ассоциировать его с этими громоздкими альфами. Поэтому, когда К попросил его остаться в кабинке и позволить ему выйти первым, он не стал возражать.

Если бы он вышел и увидел бы всего белого и нежного К, он, вероятно, смутился бы еще больше.

Лу Жанькун посмотрел на себя, стоящего совершенно голым. Раньше он ничего не чувствовал, но теперь ему вдруг стало немного стыдно. К счастью, К вытирал волосы, повернувшись спиной, поэтому он поспешно открыл дверцу шкафчика и достал свою тюремную одежду, быстро надев ее.

Лан Юй прислушивался к движению позади него, пока Лу Жанькун не закончил одеваться и не взял свой тазик, он естественно повернулся, взял свой тазик и вышел.

Лу Жанькун молча последовал за ним.

В здании тюрьмы охранники проверяли пронумерованные комнаты, готовясь закрыть их.

Пухлый, свистящий охранник, увидев Лан Юя, спросил: - Тебе удобнее после душа?

Лан Юй кивнул.

Караульный повертел в руках медную кнопку и сказал: - Может быть, ты только что приехал в тюрьму и не адаптировался. Ты будешь в порядке после ночи сна и пота.

Лан Юй ответил и вошел в камеру 11 вместе с Лу Жанькуном.

Брат Бао, брат Цяо, - поприветствовал Лю Цзюньцзе, раскрыв книгу, а Лин Лин и Цяо Фэй, сидевшие на верхней койке и болтавшие, последовали его примеру.

Ван Цзинь лежал на кровати без движения, а Цю Дао чистил в руке апельсин и слегка кивал им обоим.

Чэнь Чжэн по-прежнему опирался на кровать, лицо его было мрачным, а голова повернута к окну.

Лан Юй вспомнил слова Лу Жанькуна, поэтому его взгляд задержался на Лю Цзюньцзе и Лин Лин, затем он убрал свои туалетные принадлежности и снова забрался на койку, уставившись в потолок и вспоминая все, что произошло сегодня.

Когда он подумал, что в этой камере живет человек из племени Лонтан, ему стало немного страшно, и он осторожно потрогал шприц, который положил в карман. Он перевернулся лицом к кровати Цю Дао и Ван Цзиня и увидел, что Цю Дао уже начисто снял альбедо с апельсина.

- Альбедо цитрусовых — внутренний белый рыхлый губчатый слой кожуры плодов цитрусовых

Он разломил апельсин, встал и вложил два зубчика в рот Ван Цзиню, лежащему на верхней койке. Ван Цзинь уже собирался оставить пальцы, как вдруг подался вперед и откусил кусочек.

Цю Дао зашипел, поднял указательный палец к Ван Цзиню, увидел, что тот ухмыляется, и приблизился, чтобы поцеловать его в губы.

Лан Юй показалось, что он натолкнулся на что-то личное, и поспешно отвернулся, его лицо слегка разгорелось.

Хотя он тоже снимался в любовных сценах, но увидеть настоящую пару, целующуюся друг с другом, заставило его немного застесняться, но и немного позавидовать.

Неважно, где он был - в изначальном мире или здесь, - он был совершенно один.

Когда он был ребенком в детском доме, каждый раз, когда декан разрешал им помыть посуду и говорил, что потом будут дяди и тети, которые заберут ребенка, он был тем, кто мылся серьезнее всех. Каждый раз, когда взрослые садились на корточки перед рядом детей, чтобы задать вопросы, он тоже вел себя наиболее послушно. Но взрослые всегда с сожалением говорили: - Этот ребенок красивый и хорошо воспитанный, но немного подросток, мы все равно хотим младшего.

Он ничего не сказал и подождал, пока взрослые уйдут с выбранным ребенком, а потом заплакал под одеялом.

Декан присел на край кровати, сердечно поглаживая его по голове: - Сяо Ю, когда ты вырастешь, у тебя будет свой собственный дом.

'Правда?' спросил Лан Юй со слезами на глазах.

Декан нежно вытер его слезы: - Правда, наш маленький Юй такой хороший, у тебя будет альфа, который будет любить тебя, и у тебя будет дом вместе с очень милым ребенком.

Ребенок и его собственный альфа, чтобы создать семью.

Эти слова были такими мягкими и теплыми, что сердце Лан Юя наполнилось тоской и желанием, когда он подумал об этом. Он тщательно украсил бы комнату ребенка пушистыми коврами, разбросанными повсюду игрушками и подушками. Каждая подставка в гостиной была бы связана им, включая чехол для дивана. Подоконник в спальне был бы украшен орхидеями и розмарином, а в обувном шкафу стояло бы несколько пар тапочек, больших и маленьких...

Но то, что казалось таким нормальным для других, было таким трудным для него. Сначала ему не разрешали сниматься в кино, а когда он захотел прекратить съемки и жениться, он пришел сюда.

И попал в тюрьму.

Альфа с размытым лицом, милый ребенок, орхидеи и розмарин все дальше и дальше отдалялись от него.

Лан Юй бредил то тут, то там, а когда пришел в себя, то обнаружил, что Лу Жанькун уже поговорил с заключенными.

Сначала он поговорил с Лин Лин о живописи. Лан Юй не мог слышать разговор, но по высокому уровню терминов и растущему восхищению Линь Линя он понял, что Лу Жанькун действительно должен иметь некоторое представление о живописи.

Затем он подошел к кровати Лю Цзюньцзе и начал говорить о финансовых вопросах, а когда Лю Цзюньцзе сказал несколько слов о чем-то другом, его вернул к теме Лу Жанькун. После нескольких раз Лю Цзюньцзе сказал, что устал, и лег спать под одеялом.

Лу Жанькун посмотрел на Чэнь Чжэна, который все еще был погружен в свой собственный мир и не искал его, чтобы поговорить. Он повернулся, подошел к кровати Цю Дао и Ван Цзиня и начал рассказывать о межзвездных бандитах и гангстерах.

Лан Юй просто лежал и молча наблюдал, и не прошло и минуты, как Цю Дао с энтузиазмом разгладил половину кровати, чтобы Лу Жанькун мог сесть, на что получил отказ с улыбкой. Он лишь взял протянутый ему апельсин и медленно зашагал обратно к кровати Лан Юя.

Лу Жанькун очистил апельсин, взял дольку и поднес ее ко рту Лан Юя со словами: - Открой рот....

Лан Юй посмотрел на апельсин, вспомнив, что Цю Дао только что кормил Ван Цзиня, и неловко отвернулся: - Нет....

Что случилось? - Лу Жанькун бросил апельсин в рот, пожевал и сказал: - Он довольно сладкий..., - он взял другой кусок и поднес его ко рту: - Попробуй, здесь трудно найти фрукты.

Лан Юй не смог устоять, взял апельсин в рот и осторожно надкусил его, и сладкий сок полился ему в рот.

Лу Жанькун подошел к нему и прошептал: - Я так хорошо служу тебе сейчас, я делаю для тебя все. Тогда ты тоже должен сделать для меня одну вещь.

Что именно? - лениво спросил Лан Юй, жуя апельсин.

Лу Жанькун сказал раздраженным тоном: - Ты должен контролировать себя, чтобы не сойти с ума, мы должны хорошо сотрудничать, чтобы выполнить задание. Раз уж ты это делаешь, может, я буду служить тебе каждый день, пока не выберусь отсюда, вернусь и позволю тебе работать со мной?

Где ты хорошо служил? Белая кожура на сегментах апельсина даже не была сорвана для меня, - сказал Лан Юй.

Лу Жанькун был немного удивлен: - Разве это не съедается вместе с апельсином?

Лан Юй нахмурился и ответил: - Только что Цю Дао кормил Ван Цзиня, и он полностью очистил альбедо.

Слова просто упали, но он почувствовал их неуместность. Цю Дао и Ван Цзинь были парой, а какие отношения были у него с Лу Жанькуном? Теперь, в этой ситуации, сказать, что он не срывал белую кожуру, чтобы накормить его, как Цю Дао, как странно это звучало?

К счастью, Лу Жанькун не обратил на это внимания, только пробурчал: - Почему у тебя так много причуд? Как твоя омега справляется с этим?

Тебе не нужно знать. У нас хорошие отношения, и он сказал, что ему это нравится, - сказал

Лан Юй.

Они тихо разговаривали и бессознательно съели весь апельсин.

Лан Юй хотел спросить его, есть ли какие-нибудь новые выводы из разговора с этими людьми, но, видимо, сейчас было неудобно, поэтому он продолжил разговор, не говоря об этом. Только когда он перевел взгляд, то обнаружил, что люди в комнате смотрят на них обоих. Любой взгляд, встретивший его, тут же отводился в сторону.

Выключить свет! Всем немедленно лечь в постель, - тюремный охранник со свистком прошел мимо каждой камеры, время от времени дважды дуя в свисток.

Несколько человек по очереди сходили в маленькую ванную, чтобы почистить зубы, а затем снова в постель. Эта тюрьма все еще была довольно гуманной, поэтому, когда наступало время отдыха, все огни в комнате гасили, оставляя только темный свет у двери. Так они и спали при слабом свете.

Лан Юй снял свою внешнюю тюремную одежду и лег в одних тюремных штанах и нижней рубашке.

В комнате было тихо, и постепенно все уснули.

Кроме Лан Юя.

Он уже спал днем, и сейчас ему не хотелось спать, поэтому он думал о Цю Дао и храпе Ван Цзиня. В один момент он подумал о своей плюшевой игрушке Гу Гу и подумал, не отсыреет ли она, а в другой момент он подумал о горшках с суккулентами на балконе, если дождливые дни будут долгими, не сгниют ли они.

Вскоре он не мог не вспомнить о своем прежнем мире, но тут же выкинул эти мысли из головы. Размышления о прошлом только усилили бы боль настоящего. Если он не может изменить существующее положение вещей, то ему следует на время забыть о нем.

Он ворочался и ворочался на жесткой кровати, и поскольку ему было трудно заснуть, он все

никак не мог уснуть.

Днем он был слишком усталым, чтобы обращать на это внимание, но сейчас он почувствовал, что кровать действительно слишком жесткая. Кровать была всего лишь тонким матрасом, качество которого также было очень низким, набивка внутри была распределена неравномерно, в некоторых местах был только слой ткани, как будто он лежал прямо на доске кровати.

Он никогда не спал на такой жесткой кровати, как же он мог привыкнуть к ней?

Когда он лежал плашмя, у него болели лопатки. Лежа на боку, болела тазобедренная кость. Некоторое время он ворочался и ворочался, в результате все тело начало болеть.

Он не знал, как было раньше, но Лан Юй не мог этого выносить. Даже если бы он снимал в самом трудном месте, его ассистент сделал бы матрас под его кроватью толсто набитым.

Вдруг по кровати постучали, и Лу Жанькун, понизив голос, спросил: - Что ты делаешь? Из-за того, что ты ворочаешься, кровать постоянно двигается.

Я не могу заснуть...

Тогда считай овец..., - нетерпеливо сказал Лу Жанькун.

Дело не в том, что я не хочу спать, а в том, что кровать слишком жесткая и болит, поэтому я не могу заснуть, даже если захочу.

Поскольку его мозг был немного хаотичен, в сочетании с легко всплывающими эмоциями ночью, Лан Юй временно забыл, что он сейчас К, и не заметил, что слова также несли в себе сильное обострение.

Лу Жанькун на мгновение замолчал и сказал: - Почему ты такой нежный?

Его голос бессознательно смягчился и стал немного беспомощным.

Лан Юй моргнул сухими глазами, повернулся боком, чтобы посмотреть на тусклый свет за дверью, и сказал низким голосом: - Я не хочу быть....

Под кроватью послышался шорох, и через мгновение Лу Жанькун встал с кровати, приказав ему: - Уйди с дороги....

Лан Юй поднял голову и спросил: - Зачем?

Лу Жанькун не ответил, просто бросил большую черную тень на край кровати и снова приказал: - Двигайся....

Лан Юй выпрямился и увидел, что это был матрас и одеяло. Он протянул руку и сжал их, подозрительно спросив: - Положить это на мою кровать?

Да, положи этот матрас и одеяло. Они будут иметь толстую набивку, и ты сможешь спать, - сказал Лу Жанькун.

Глаза Лан Юя загорелись, он быстро встал, отдал Лу Жанькуну свое одеяло, затем снял простыни и снова надел их, когда два матраса легли друг на друга. Получив одеяло из рук Лу Жанькуна, он вспомнил одну вещь и поспешно спросил: - Твой матрас и одеяло лежат на моей кровати. Как ты будешь спать?

Как я могу спать? Конечно, мы будем спать вместе, - шепот Лу Жанькуна был полон удивления: - Ты все еще хочешь, чтобы я спал на голой подстилке?

Ах... Это... - Лан Юй был шокирован и спросил: - Как мы можем спать вместе?

Почему мы не можем спать вместе? - Лу Жанькун указал позади него: - Посмотри на них...

Лан Юй посмотрел вслед, и оказалось, что он не заметил, что Ван Цзинь и Цю Дао спали на

нижней койке их каркасной кровати.

Даже Лин Лин и Цяо Фэй тоже спали вместе.

Тебе не кажется, что кровать жесткая? Тогда два человека могут спать только вместе, - Лу Жанькун собирался залезть на кровать руками и сказал: - Уйди с дороги....

Лан Юй не шелохнулся и уставился на него.

Лу Жанькун вздохнул, подошел к нему вплотную и сказал таким тоном, который могли слышать только двое: - Я не знаю, о чем ты думаешь целыми днями, всегда такой взъерошенный. Мы все альфы, не выставляй себя омегой, ладно? Если бы ты не убил двоих из них, я бы подумал, не вторгся ли и к тебе один.

Хотя его голос был негромким, и он старался не дать понять, Лан Юй все понял. Его сердце заколотилось, зашевелилось внутри, когда он бесшумно уступил половину кровати.

Лу Жанькун сильно оттолкнулся и поднялся.

Оба мужчины не были маленькими, хотя Лан Юй был худым, его рост составлял метр восемьдесят два, а Лу Жанькун - почти метр девяносто. Когда оба легли, было трудно даже перевернуться на крошечной односпальной кровати.

Спи..., - коротко сказал Лу Жанькун и закрыл глаза.

Лан Юй тоже закрыл глаза, но вспомнил, что только что сказал Лу Жанькун, и не удержался, прошептал ему на ухо: - Если бы я не убил этих двоих, ты бы меня подозревал?

Да... - сухо ответил Лу Жанькун.

Лан Юй снова спросил: - Ты бы подозревал меня, если бы сам убил их?

Лу Жанькун открыл глаза и посмотрел на него: - Я хочу зарезать тебя только за этот вопрос.

Лан Юй затаил дыхание.

Он добавил: - Но это также конфиденциально, поэтому понятно, что ты не знаешь.

Лан Юй подошел ближе, и они оказались лицом к лицу.

Лу Жанькун несколько секунд смотрел на него, затем протянул руку и оттолкнул его лицо от себя, сказав: - Не подходи так близко....

После того, как Лан Юй отодвинулся от него, но в итоге снова подошел, Лу Жанькун объяснил: - Рождаемость у этих людей низкая, и они убивали друг друга до полного исчезновения. Позже каждому новорожденному подсаживали в тело своего рода энергетический чип, который нельзя было вынуть, чтобы они никогда не могли навредить друг другу. Пока есть ощущение намеренного вреда, энергетический чип будет распознавать и останавливать его. Понятно?

Лан Юй кивнул: - Понял....

Лу Жанькун зевнул и сказал: - Ладно, спи уже. Если ты все еще не можешь заснуть, старший брат будет спать с тобой в обнимку.

Лан Юй рассеянно повернулся к нему спиной и закрыл глаза.

Автору есть что сказать:

Лу Жанькун: Я сплю очень хорошо, надеюсь, он спит лучше, не двигается посреди ночи, не наваливается на меня, не кладет на меня ноги.